

Линь Цзиньчжи вдруг умолк, а затем, сложив руки в приветственном жесте, обратился к Чу Яню:

— Прошу, Ваше Величество, позвольте мне проводить вас туда, чтобы вы могли взглянуть сами.

— Эта вещь так важна?

— Да.

Чу Янь, опираясь на одну руку, приподнялся с постели. От этого движения его халат соскользнул с плеча, а копна иссиня-черных волос рассыпалась по кровати. Его длинные, словно вороньи крылья, ресницы отбрасывали тень на лицо, а легкая дрожь делала его облик невероятно хрупким.

Линь Цзиньчжи едва мог отвести взгляд. С пересохшим горлом он подошел и поправил одежду на плечах Чу Яня:

— Ваше Величество, не простудитесь.

Чу Янь взглянул на него и тут же поспешно отвел глаза. Приведя себя в порядок, он последовал за Линь Цзиньчжи за пределы дворца. С тех пор как Янь Фэн вернулся, он всегда оставался в тени, оберегая императора, поэтому Чу Яню не приходилось опасаться покушений.

Они добрались до той самой усадьбы, где когда-то держали под стражей Ван Лина. Прошло всего полмесяца, как она опустела, но здание уже выглядело заброшенным и ветхим. Линь Цзиньчжи молча повел его вглубь дома.

Когда Чу Янь увидел, что скрывалось внутри, он застыл на месте. Стены мастерской были сплошь увешаны его портретами. Мастерство Ван Лина в живописи было божественным, мир восхищался его талантом. Однако прежде он никогда не писал людей — лишь пейзажи, цветы и птиц, каждая из которых стоила тысячи золотых. Но после заточения он рисовал только одного человека, день за днем, словно безумный, пытаясь лишь так утолить свою невыразимую тоску.

Чу Янь медленно подошел к одному из полотен. На нем был изображен юноша, стоящий посреди цветущих горных полей.

— Почему эти цветы такие ярко-красные?

— Потому что они нарисованы кровью.

Дождь барабанил по карнизам, стекая в пруд. Голос Линь Цзиньчжи был тихим, он почти тонул в монотонном шуме ливня. Они стояли так близко, что Чу Янь едва расслышал эти слова. Рука Чу Яня дрогнула — движение было почти незаметным, но признание Линь Цзиньчжи оставило глубокий след в его сердце.

Писать кровью цветы, чтобы выразить тоску по ушедшему... Чу Янь понял смысл картин. Вероятно, Ван Лин считал, что обычные краски недостойны этого полотна, и смешивал собственную кровь с благовониями и измельченными минералами, чтобы вывести линию губ или лепестки цветов на фоне. Его любовь была пугающе безумной.

— Сожгите всё это.

Линь Цзиньчжи неотрывно смотрел на него:

— Раз Ваше Величество приказало, значит, так тому и быть.

Чу Янь снимал картину за картиной. Видя на них себя, он словно чувствовал, насколько безумен был тот, кто их писал. Он сложил полотна в кучу, чиркнул огнем и бросил его в центр. Бумага вспыхнула, пожелтела и начала осыпаться пеплом. Отблески огня плясали на лице Чу Яня, в глубине его глаз застыла дымка боли, а уголки глаз покраснели, что выглядело до странности ярко и красиво.

— Пусть всё прошлое развеется по ветру... Если хочешь переродиться — иди, но не смей больше преследовать меня!

Линь Цзиньчжи понял, что эти слова адресованы предсмертному признанию Ван Лина. Затем Чу Янь обернулся, схватил Линь Цзиньчжи за запястье, притянул к себе и коснулся губами его уголка рта. Линь Цзиньчжи вздрогнул — губы Чу Яня были ледяными, он лишь робко пробовал его на вкус. Осознав происходящее, Линь Цзиньчжи сам обнял его и ответил на поцелуй.

В этой комнате картины тихо сгорали, огонь метался по лицу Чу Яня, а Линь Цзиньчжи обнимал его, не желая отпускать. В какой-то момент ему почудилось, будто на еще не догоревшем полотне он видит юношу, стоящего в сумерках с фонарем в руках. Тот словно заметил кого-то, обернулся и улыбнулся. Эта улыбка была чистой и незащищенной — это был Чу Янь много лет назад.

Эта сцена была не из тех, что видел Ван Лин. Это был момент, когда он сам впервые вывез Чу Яня из дворца. Оказывается, еще тогда... Ван Лин уже знал об их связи и молчаливо позволял ему приближаться к Чу Яню, видя ту же самую картину. Линь Цзиньчжи тяжело вздохнул про себя: даже до самого конца он так и не смог понять Ван Лина.

— Цзиньчжи, все, кто был рядом со мной, мертвы. Кроме тебя... все до единого...

Линь Цзиньчжи уловил в его словах боль и смятение и крепче обнял его:

— Не тревожьтесь, Ваше Величество. Я клянусь, что не уйду из жизни раньше вас, не оставлю вас одного. Даже если я буду ранен или тяжело болен, я буду цепляться за жизнь...

Услышав это, Чу Янь вдруг улыбнулся — так же чисто и незащищенно, как в те далекие годы. Он сказал, что будет жить, пока не умрет сам, в любом случае — на один день дольше него. Это

были самые прекрасные слова любви, что ему доводилось слышать.

Прошло несколько дней. После того случая в мастерской отношения между ними, казалось, стали мягче. Возможно, Чу Янь всё обдумал и перестал терзать себя. Линь Цзиньчжи стал наведываться во дворец еще чаще.

Здоровье Чу Яня оставалось слабым, и он, закутавшись в легкий весенний халат, подогревал вино во дворе. Тонкая струйка пара поднималась над сосудом, наполняя воздух изысканным ароматом. Когда Линь Цзиньчжи пришел, он увидел эту картину: лепестки цветов падали на черные волосы Чу Яня, ветер подхватывал их, кружа в танце, а вместе с ними доносился пьянящий запах вина.

Вино еще не опьянило, но Линь Цзиньчжи уже был очарован. Он замер, не в силах вымолвить ни слова. Красота Чу Яня была ослепительной; издалека он казался ожившей картиной, которую не хотелось тревожить.

— Цзиньчжи? — Чу Янь, заметив его, лениво протянул руку.

Линь Цзиньчжи поспешил подойти и взял его за руку:

— Весной еще холодно, почему Ваше Величество не надели что-то теплее?

Чу Янь рассмеялся:

— Уже четвертый месяц, разве может быть холодно?

Линь Цзиньчжи промолчал, вспоминая слова лекаря Е о том, что тело императора крайне истощено и он постоянно зябнет. Возможно, лишь к пятому месяцу, когда потеплеет, можно будет не переживать.

— Садись, составь мне компанию.

Линь Цзиньчжи опустился рядом:

— Этот кубок за ваше здоровье, Ваше Величество.

Он выпил залпом, Чу Янь последовал его примеру. После нескольких кубков Чу Янь захмелел. Вино стекало по его щекам на грудь, пропитывая одежду. Волосы были небрежно распущены, что придавало ему вид еще более болезненный и утонченный. Линь Цзиньчжи почувствовал, как его сердце дрогнуло. Видя, что император затуманенным взглядом смотрит на него, он подошел ближе:

— Ваше Величество.

Чу Янь, словно что-то почувствовав, тихо рассмеялся и, ухватившись за ворот халата Линь Цзиньчжи, потянул его на себя. Тот не удержался и упал прямо в объятия Чу Яня. Увидев, как Чу Янь доволен своей хитростью, Линь Цзиньчжи лишь беспомощно вздохнул:

— Ваше Величество, не шалите.

[Хозяин! Черт возьми, ваш образ рушится!] — раздался голос в голове.

Чу Янь, который действительно был слегка пьян, вздрогнул. Конеч, он чуть не выдал себя!

— Цзиньчжи, у меня кружится голова, отнеси меня внутрь, здесь холодно. — Он обвил руками шею Линь Цзиньчжи.

Тот не ожидал такой ласки, и сердце его бешено заколотилось. Аромат мускуса, исходящий от Чу Яня, смешанный с легким запахом вина, окончательно лишил его рассудка.

— Слушаюсь, Ваше Величество.

Линь Цзиньчжи поднял его на руки, думая о том, что это за пытка. Вспоминая их прошлые ночи, он почувствовал, как сбивается его дыхание — тело Чу Яня было слишком притягательным.

— Почему мы еще не пришли? — пробормотал Чу Янь, прищурившись.

Линь Цзиньчжи усмехнулся:

— Не спешите, Ваше Величество.

[Идет так медленно, словно улитка,] — подумал Чу Янь.

[Все мужчины такие. Когда долго желаемое оказывается в руках, кажется, что это прекрасный сон, и хочется поддержать подольше, чтобы убедиться, что всё по-настоящему. Ну как, я выгляжу достаточно пьяным и красивым?]

[.....]

[Я устроил этот спектакль, чтобы оставить в сердце Линь Цзиньчжи побольше впечатлений! Ведь чем прекраснее всё сейчас, тем больнее будет, когда всё рухнет, верно?]

[Хозяин, почему вы так возбуждены?!]

[Разве тебе не кажется, что у всего прекрасного есть тяга к разрушению?]

[.....Но ведь это вы сами.] — слабо отозвалась Система.

[Кто сказал, что нельзя играть с самим собой?!]

[.....]

В опочивальне было тепло, и холод постепенно отступил. Но в тепле хмельной Чу Янь стал еще более расслабленным. Линь Цзиньчжи с нежностью смотрел на него — после того, как они перестали враждовать, это был первый раз, когда Чу Янь вел себя так смело. Он укрыл его одеялом и долго смотрел на лицо императора, словно время замерло.

Губы Чу Яня, окрашенные вином, стали ярко-красными на его бледном лице — словно алый мазок на белой рисовой бумаге. Линь Цзиньчжи склонился ближе, желая поцеловать его. В этот момент за дверью послышался грохот — маленький евнух что-то уронил. Чу Янь, чей сон был чутким, тут же открыл глаза.

— Пощадите, Ваше Величество! Пощадите!

Линь Цзиньчжи, раздраженный тем, что его прервали, нахмурился:

— После того как Гао Хуа ушел, вы все стали такими неуклюжими?

Евнух дрожал, боясь, что император прикажет его казнить.

— Что ты уронил? — Чу Янь смутно разглядел деревянную шкатулку.

Лицо евнуха стало мертвенно-бледным, он не смел поднять головы. Чу Янь холодно произнес:

— Что там? Покажи мне.

Евнух, дрожа, поднес шкатулку. Когда Чу Янь увидел, что внутри, его лицо мгновенно изменилось, как и лицо Линь Цзиньчжи. Шкатулка была полна Юйши разных размеров — холодные предметы, когда-то обогранные кровью, разрывавшие его тело.

К горлу Чу Яня подступил тошнотворный ком, он закашлялся кровью, вспоминая, как Линь Цзиньчжи запирал его.

— Ваше Величество! — в ужасе воскликнул Линь Цзиньчжи.

Чу Янь не проронил ни слова, не глядя на него, он смахнул шкатулку на пол:

— Вон отсюда.

— Слушаюсь.

Евнух пулей вылетел из комнаты. Чу Янь посмотрел на Линь Цзиньчжи с крайне сложным выражением лица. Любовь, что светилась в его глазах мгновение назад, исчезла, сменившись

привычным равнодушием:

— Я устал, уходи.

Линь Цзиньчжи почувствовал, как сердце разрывается:

— Ваше Величество, я...

— Больше ни слова, я устал.

Чу Янь был непреклонен. Линь Цзиньчжи стоял, охваченный горем и недоумением. Ведь только что они шутили, атмосфера была такой теплой... Это всё из-за той шкатулки. Сердце Линь Цзиньчжи рухнуло в бездну — он только-только почувствовал тепло солнца, как снова оказался в аду. Но он сам был виноват: если бы он не предал императора, ничего бы не случилось.

Сжав губы, он медленно вышел из дворца. Обернувшись на пороге, он увидел, что плечи Чу Яня на кровати дрожат — тот беззвучно плакал. Сердце Линь Цзиньчжи сжалось от боли, ставшей почти невыносимой.

Вернувшись в поместье, он узнал от стражи нечто такое, что заставило его лицо похолодеть. Он не мог придумать, кто мог бы использовать те вещи, чтобы так ранить Чу Яня. Кроме одного человека, никто не приходил на ум. Это была тайна, все причастные евнухи были казнены. Кто, кроме него, Хань Чжэна и лекаря Е, мог знать? Лекарь Е был в поместье у его отца, у него не было времени ходить во дворец.

— Хань Чжэн! — Линь Цзиньчжи давно замечал чувства Хань Чэна к императору. От вины к жалости, от жалости к любви. Хань Чжэн влюбился в императора!

Линь Цзиньчжи охватила ярость:

— Император с таким трудом открыл мне свое сердце, а тут снова ты!

— Господин, я вернусь во дворец.

— Иди. Если что-то узнаешь — следи внимательно.

— Слушаюсь.

После ухода стражника лицо Линь Цзиньчжи оставалось мрачным. Он был готов поддаться ревности, но разум всегда брал верх. С этим нужно было разбираться постепенно.

Он пошел проведать Маркиза Линя. После лечения тому стало лучше, он начал узнавать людей.

— Отец.

Маркиз Линь был глух и слеп, он почувствовал присутствие сына, лишь когда тот подошел вплотную.

— Цзиньчжи, ты должен отомстить за отца!

Линь Цзиньчжи писал у него на ладони:

— О чем вы, отец?

Маркиз Линь стиснул зубы:

— Этот пес-император так поступил со мной, и... и так поступил с тобой!

Сердце Линь Цзиньчжи сжалось:

— Это мы, семья Линь, были неправы.

— Что я сделал не так?! Я лишь хотел защитить тебя!

Маркиз Линь всё еще упорствовал в своем безумии, и Линь Цзиньчжи, вспоминая ту книжицу с предсказаниями, начал сомневаться, не вселился ли в его отца какой-то злой дух. Он холодно ответил:

— Отец, отдыхайте, я сам решу свои дела.

Выйдя из покоев, он услышал, как Маркиз спрашивает у слуги:

— То, что ты мне сказал — правда?

— Конечно, правда. Император действительно сделал это с молодым господином...

Маркиз Линь закашлялся кровью, в его мутных глазах пылала ненависть:

— Цзиньчжи — единственный наследник нашего рода. Я думал, этот пес Сяо Чэнь не отпустит меня просто так, оказывается, он нашел способ мучить меня еще сильнее!

Слуга промолчал, лишь написав на ладони Маркиза: Не печальтесь, господин сам во всем разберется.

С тех пор как Маркиз пришел в себя, он возненавидел Чу Яня. Он глухо произнес:

— Старина Лю, где наши верные люди?

Слуга вздрогнул:

— Господин, вы хотите...

— Мой сын страдает, но не смеет перечить воле монарха, вынужден терпеть это. Я сам отомщу за него.

Прошло несколько дней, но состояние Чу Яня не улучшалось. Он издал указ, повелевающий Трем министрам помогать князю Синю в управлении государством. При дворе поднялась буря. Все знали, что у императора нет наследников, гарем пуст, а когда министры требовали выбора наложниц, он лишь холодно отвечал: Тогда пусть тот, кто просит, умрет.

Теперь же, передав дела князю Синю, император, казалось, намекал на преемника. Все пребывали в страхе, но Чу Яня это не волновало. Он всё чаще кашлял кровью и понимал, что его время на исходе.

Снаружи стояла стража. Чу Янь, чувствуя головную боль, указал на одного из них:

— Ты, войди.

Стражник склонился:

— Что прикажете, Ваше Величество?

— Я постоянно сплю, тело ослабло. Хочу прогуляться.

Стражник замялся, вспоминая приказ Линь Цзиньчжи беречь покой императора...

— Что? Мой приказ ничего не значит?

Стражник тут же опустился на колени:

— Не смею!

Вид его раболепия вызывал у Чу Яня головную боль. Раньше он хотел, чтобы его боялись, чтобы не вспоминать детство, но теперь это вызывало лишь скуку и раздражение.

— Встань. Не смей стоять на коленях.

— ...Слушаюсь.

— Передай мой указ: я отправляюсь в Храм Ханьшань.

Приближалась годовщина смерти его матери, и с тех пор как он взошел на престол, он каждый год ездил туда молиться. Стражник поспешил исполнить приказ.

После полудня потеплело. Чу Янь читал книгу, когда Хань Чжэн, отослав слуг, вошел в покои. Увидев его, Чу Янь побледнел:

— Ты не умер?

Хань Чжэн больше не казался тем простодушным воином, его лицо исказила гримаса безумия:

— Я не умер, благодарю Ваше Величество за милость.

Чу Янь усмехнулся:

— Я не убивал тебя, но помню, что нанес глубокую рану. Ты не должен был так быстро поправиться.

Хань Чжэн, дерзко схватив Чу Яня за руку, прижал ее к своей ране. Кровь просочилась сквозь бинты. Лицо Чу Яня изменилось, а Хань Чжэн смотрел на него с нежностью, словно не чувствуя боли:

— Рана еще не зажила, но мысль о встрече с вами заставила меня поторопиться.

Что значит — поторопиться? Чу Янь пришел в ярость. Хань Чжэн не отпускал его руку:

— Если Ваше Величество хочет, чтобы мне было больно — я покажу вам свою боль. Разве вы не давите на мою рану? Достаточно нажать сильнее, и я вспотею от боли, почему вы не сделаете этого?

Чу Янь смотрел на него — в глазах Хань Чжэна было нечто фанатичное.

— ...Ты сумасшедший! — выдохнул он.

Хань Чжэн улынулся так, будто плакал:

— Я лишь хочу, чтобы вы знали: моя жизнь в ваших руках, вы можете забрать ее в любой момент.

Чу Янь смотрел на него, пытаясь понять, лжет он или нет. Хань Чжэн добавил:

— Разве вы не обещали, что если я выживу, всё прошлое будет забыто?

Сердце Чу Яня дрогнуло. Неужели он вынес всё это только ради такого нелепого обещания?

— ...Я понял.

Хань Чжэн широко открыл глаза, его дыхание участилось:

— Ваше Величество... вы приняли меня?

<http://bllate.org/book/22166/2309063>